

«ХУДОЖНИК» МЭГГИ ДЖИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Камила Фаритовна Аюпова

аспирант Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия)

e-mail: lacroquant@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемом материале представлен перевод рассказа «Художник» из сборника рассказов «Синий» (2006) современного британского автора Мэгги Джи. Романы писательницы награждены литературными премиями и переведены на 14 языков, но пока не знакомы русскоязычному читателю. Перевод рассказа выполнен победителем международного конкурса “Art & Craft of Translation”, который состоялся в 2018 г. при поддержке Оксфордского Российского фонда. Текст перевода сопровождается кратким комментарием, дающим пояснения историко-культурного

Ключевые слова: Мэгги Джи, «Художник», конкурс перевода “Art & Craft of Translation”, рассказ, поэтика заглавия, Другой.

От редакции

Рассказ «Художник» (“The Artist”) Мэгги Джи, помещенный в сборник рассказов «Синий» (“The Blue”, 2006), сразу озадачивает читателя интригующим зазором между заглавием и внутренней фокализацией. Читатель не понимает, кто же в этой истории художник: Эмма, замужняя дама средних лет, с чьей точки зрения будто представлены события, или ее приходящий работник, мигрант из Боснии?

Текст, опубликованный в издательстве Telegram, был великодушно предложен для перевода участникам международного конкурса переводов “Art & Craft of Translation” (2018) самим автором Мэгги Джи. Работы конкурсантов были оценены и прокомментированы членами жюри во время однодневного семинара, на котором присутствовала автор, подтверждая или опровергая ту или иную нюансировку в интерпретации психологии героев и концепции текста.

Оставляя нашему читателю возможность иметь непредвзятое впечатление от рассказа в переводе победителя конкурса Камили Аюповой, прокомментируем лишь его историко-культурный контекст.

Мэгги Джи, широко известная западному читателю¹ благодаря поднимаемым в ее романах острым социальным, политическим и этическим вопросам, продолжает традицию «романа о состоянии нации» (condition of Britain novel). В сюжете рассказа, который развивается вокруг недолгого гостеприимства Эммы в отношении мигранта, нанятого для строительных работ, вскользь упоминается «кровавая война», в результате которой Борис и его семья оказались в Великобритании. Сочувственные слова Эммы «он здесь не по своей воле, но теперь мы можем помочь ему», возможно, связаны с визовыми ограничениями 1992 г. для беженцев из бывшей Югославии. Согласно боснийскому проекту правительства были выделены квоты для беженцев, которые получили статус лиц, находящихся под временной защитой Великобритании. Это давало государству право репатриировать беженцев, когда война в бывшей Югославии закончилась. Любопытно, что Борис и его семья, которым предлагают чай, печенье и лимонад в доме Эммы, на деле не получают даже воды и, в конечном счете, вызывают упрек в неблагодарности: «...Она [Эмма] кричала на него, ощутив, наконец, свою силу, выйдя

¹ Романы Мэгги Джи переведены на 14 языков. Перевод рассказа, представленный ниже, – первая публикация произведения Джи на русском языке.

из себя при виде его красивого загорелого лица, белых зубов со сколом, густых идиотских кудрей, чужеземных проблем, болота его нужды, засасывающего чай, кофе и доброту». Мэгги Джи в полной мере использует всю палитру возможностей рассказа как жанра, нередко обращенного к герою, который оказался в позиции аутсайдера, чья уязвимость – в самой маргинальности его социального положения и экзистенциальной ситуации.

И все же название рассказа «Художник» заставляет рассматривать его как нетривиальное размышление о способности подлинного художника слышать и понимать Другого. Иными словами, в этом «фрагменте» будничной жизни представительницы среднего класса за банальной эстетизированной грезой о влюбленности скрывается так и не узнанная ею драма реальной утраты. Это неизменно возвращает читателя к ядру этики Художника, открывающего бытие Другого через сопереживание ему.

«Художник»

Мэгги Джи

Как-то, когда он работал у нее уже с месяц, Борис вошел из сада с розой, сложным бархатным бантом красневшей в руке. Сделав легкий поклон, он вручил ее. «Сломал нечаянно», – пояснил он (Борис подкрашивал кирпичную стену позади дома). Роза, которую он протягивал ей с такой рыцарской галантностью, была ее собственной. «Поставьте в воду, Эмма, прошу».

«Прекрасно, Борис», – сказала она, вдохнув раз-другой. Аромат розы был таким насыщенный, что перехватило дыхание, а глаза заслезились, будто жизнь внезапно обступила ее со всех сторон, будто она дышала впервые за много лет. Эмма страдала сенной лихорадкой и избегала цветов. «Как красиво! Я напишу об этом». (Она писала романы, которые не печатали, но рабочий кабинет у нее

был, и она всем говорила, что пишет).

«Я художник», – сказал Борис, с чарующим самоуничижением в темных глазах. У него были ослепительно белые зубы, но один сколотый. Его лицо обладало красотой херувима. «Я художник, знаете, Эмма. Я художник, как вы». Смеясь, он ткнул смуглым пальцем в ее сторону: «Я делать красивый дом для вас».

«Чудесно, Борис. Благодарю. Но, на самом деле, я всего лишь хочу, чтобы плиты были выложены в шахматном порядке. Одна черная, одна белая, и так далее».

«Эмма, вы мне очень нравитесь. Я делать вам красивый пол, это мой вам подарок». Он чудно поклонился, будто рыцарь. Сколько же ему лет? Сорок, пятьдесят? «Я художник, Эмма», – продолжил он, протягивая ей ли-

сток бумаги, на котором набросал сложную черно-белую композицию. «Вам не надо один клетка – два клетка – один – два, черный, белый, то же самое опять. Очень скучно. Не пойдет!»

Она забрала у него листок, аккуратно согнула и вложила обратно в карман его куртки. «Именно так. Черная, белая, черная, белая. Как шахматная доска. Просто. Плитка в гараже. А сейчас мне нужно идти работать».

Борис снисходительно улыбнулся ей: «Да, вы делать вашу работу, Эмма, вы пишете ваши книги, красивые. Я это очень люблю, работать на такой же художник, как я».

Роза была прелестна, пусть и немного потрепанная. Эмма коснулась ее губами и выбросила.

«Он невозможен», – лениво пожаловалась она мужу, лежа с ним в кровати (оба читали) и глядя поверх очков на знакомый заостренный профиль Эдварда в прохладе голубой комнаты. Она хотела ему рассказать, хотела кому-то рассказать, что Борис подарил ей розу. «Невозможен. Эдвард? Я с тобой разговариваю».

«Кто? Я тебя умоляю, я читаю вообще-то».

«Борис», – сказала она.

Он приподнялся в изумлении: «Почему ты все время говоришь об *этом человеке*? Найми нормального строителя, англичанина».

«Я пыталась, если помнишь. Ты сказал, расценки просто бессовестные. А когда ухлышал цену Бориса, остался очень доволен».

«Это ты его нашла, не я».

«А ты согласился его нанять».

Эдвард не мог возразить. Он зашел с другой стороны: «Ты не можешь управляться с рабочими, никогда не могла. Уборщицы никогда не делают то, что ты им говоришь».

«Уборщицы долго не задерживаются, потому что ты не даешь мне нормально им заплатить».

«Я поговорю с этим типом. Разберусь сам».

«...Не надо, Эдвард. Все в порядке». Она знала, как Эдвард будет говорить с Борисом. Он его выгонит, как и грозился сделать. И тогда, день за днем, дом будет пустовать. Ей нравился голос Бориса, его акцент, вещавший ей о неведомых широких просторах где-то в далекой юго-восточной Европе, раскаленных на солнце пустошах, красочных базарных площадях, о местах, куда она, наверное, никогда уже не поедет, поскольку теперь вообще почти никуда не ходила. Она не сможет рассказать о розе Эдварду. Воспоминание о ней выцвело и увяло. «Ничего, Эдвард. Борис... он другой».

«Ну, и что же это значит?» Как пренебрежительно он это сказал. Неужели он всегда с ней так говорил?

«Борис ощущает себя художником. Конечно, это не так. Но он хочет им быть». Ей понравилась мысль. Бедняга Борис. То, что Эмма уже делала, для него было только мечтой.

«Мошенник он и прохиндей, как все. Чтоб его не было к концу недели. А сейчас можно я вернусь к своей книге?»

Тут она заметила, что он читает свой ежегодник антиквариата, в котором уж никак не могло быть сюжетных перипетий. «Он ведь все потерял в той чертовой страшной войне. Он приехал не по своей воле. Ну а сейчас мы можем ему помочь», – тут Эмму переполнили чувства.

Эдвард раздраженно вздохнул. «Он просто нелегал. Вот почему ты его используешь. Потому что он дешево стоит». Эдвард захлопнул книгу, звонко щелкнул дужками снимаемых очков и повернулся набок. Теперь Эмма видела перед собой только его спину и темно-синюю шелковую рубашку. «Парень с работы сказал, что афганцы дешевле. Спокойной ночи, Эмма». Через минуту он уже храпел.

В сентябре, когда Борис должен был чистить сточные трубы, он как-то привез с собой жену и дочь в ржавом пыльном сером седане.

«Фургон ломаться. Извините, пожалуйста».

«Ничего, входите и приступайте».

«Не можно. Я в машине, вместе с мои жена, дочь... Я могу зайти на чашку кофе, Эмма, только».

Борис обожал ее натуральный кофе, напоминавший ему о доме. «Вообще-то, я пишу», – возразила она, но он уже промчался мимо нее, вздыхая.

«А как же ваши жена и дочь?»

«Все хорошо, спасибо, Эмма. Только дочь...»

«В смысле, вы же не оставите их там в машине, Борис», – лишние хлопоты, но того требовали хорошие манеры.

«Да, им нравится».

«Разумеется, им не нравится. Пойдите и пригласите их в дом».

С ничего не выражающими лицами они потянулись по тропинке. Борис вел их перед собой словно овец, отведя взгляд с улыбкой, будто говорившей соседям: «Сам знаю, но это все, что мне досталось». «Жена», – ткнул он пальцем в сторону коренастой поблекшей женщины с недоуменно-угрюмым взглядом. – «Дочь», – Борис положил руку на плечо девушки, но в этот раз в его голосе прозвучали любовь и сожаление. «Анна, – добавил он, – Семнадцать». Она была красива, белоснежные зубы и ангельские черты отца. Однако кожа и губы были бледны, слишком бледны, глаза немного запали. Девушка опиралась на мать.

«Здравствуй, Анна, – улыбнулась Эмма и, уже обращаясь к ее матери, сказала, – Простите, не знаю вашего имени», – но ответ женщины остался ей непонятен. Слова были гортанными, незнакомыми.

«Что они будут, чай или кофе?» – спросила она у Бориса.

«Нет, они не желать», – ответил Борис, подталкивая их к гостинной, одновременно

пытаясь сопроводить Эмму назад в столовую, чтобы продолжить кофейный ритуал. «Может, дочь будет воду».

«Лимонад? Печенье?»

«Они не хотят».

«Воды? Не могу же я им предложить просто *воду*».

Эмма вырвалась от Бориса, чтобы выполнить свой долг, пусть и нехотя, и последовала в соседнюю комнату к двум гостям, которых нашла стоящими у камина. «Прошу вас, садитесь, – сказала Эмма, что они и сделали как по команде. – Пирог? Сок? Молоко? Травяной чай?»

Дочь сжалилась над ней и пояснила: «Мама совсем не говорить, – сказала она. – Мы будем воды, спасибо, только воды».

«Воды, ну хорошо», – ответила Эмма неохотно.

Она принесла два стакана, но забыла их наполнить, замечтавшись на ходу, пока заваривался кофе для Бориса. В столовой Борис с подчеркнутым вниманием изучал репродукции на стенах, приподнимая нахмуренные брови, поджимая губы, рассудительно кивая. «Да, очень красиво», – произнес он вслух, глядя, отнюдь не случайно, как ей показалось, на обнаженную натуру кисти Люсьена Фрейда. Похоже, он хочет, чтобы она знала, что ему нравится смотреть на оголенную плоть. Как же кошмарно он флиртует! Но, конечно, ей это льстило... Через несколько мгновений,

будто только что ее заметил: «Дочь больна», – прошептал он.

«О боже, Борис».

«Да, я везти к доктор. Но ей нужен чистый воздух. Воздух здесь очень грязный. Она дышать не можно, Эмма. Лондон очень плохо. Пыль, где мы живем, сыро тоже. Не-хорошо».

«Ах, так у нее астма? Как жаль...»

«Астма, да. В моей стране у нее нет астма. Она молится пресвятая Дева каждый день, но ей очень плохо».

«Мне так жаль, Борис. Но не беспокойтесь. У меня самой ужасная сенная лихорадка. Это все из-за аллергий. Вы не думали попробовать иглоукалывание? – она изобразила, как иголки вонзаются в руку. – Или ароматерапию?»

Он печально покачал своей большой кудрявой головой. «Уколы? Нет. Слишком доро... не важно. Еще кофе, пожалуйста, Эмма».

Сначала Бориса пригласили только для подновления камина, а затем и всей гостиной. Но постепенно, по мере того как разные части дома требовали его внимания, роль Бориса возросла. Он объявлял Эмме о неотложных задачах с прискорбием и ликованием.

Их отношения развивались скачкообразно. Борис почти всегда делал комплименты. О впечатлении, которое производили ее ярко-голубые глаза, она всегда знала, одна-

ко он подметил, как их цвет меняется из-за разных оттенков одежды, и однажды заявил, что хотел бы ее написать. «Для начала, распишите мне дом», – сказала она с нежностью, а он взглянул на нее со странным сожалением, наведя ее на мысль о том, что немного влюблен. Это было неудивительно: она все еще была довольно красива, к тому же его благодетельница и писательница. Однако ее книги стали камнем преткновения. Борис понимал все буквально. Она сказала ему, что пишет книги, когда он впервые появился в доме. Через пару месяцев он попросил почитать одну из них, конечно, просто чтобы ей польстить, подумала она и отказала. Но он продолжал упрашивать, делаясь более настойчивым, и наконец ей пришлось пояснить: она до сих пор не напечатала ни одной. Он показался странно разочарованным. Не потускнело ли его восхищение?

Борис занимался покраской наружной части дома, когда Эдвард потерял всякое терпение: «Когда этот клоун уже закончит?» – кричал он жене.

«Было очень сыро».

«Теперь уже нет. Он был сегодня?»

«Его дочь проболела всю неделю, поэтому он появлялся редко», – сказала Эмма примирительно, но Эдвард с ненавистью глядел на оставшиеся после Бориса банки с краской, в беспорядке расположенные на веранде, и кисти, бессовестно торчащие из жестянок с помутневшим уайт-спиритом.

«Он больше никогда не переступит порог моего дома, если не закончит работу и не уберет к чертям этот бардак до пятницы! – взорвался он. – Я серьезно, Эмма. Не думай, что нет. Мы найдем, наконец, нормального английского строителя».

На следующий день Борис явился около четырех и выглядел встревоженным. После многих месяцев воздержания от него снова пахло табаком: «Анна в больнице, – пояснил он. – Я прийти только сказать, как она, Эмма».

Она не сделала ему чаю. «Эдвард говорит, вы должны закончить работу к пятнице или больше не приходите, и он настроен серьезно», – сказала она.

«Она очень плоха, Эмма. Чай с сахаром, пожалуйста».

«Нет, он настроен *серьезно*, – повторила она. – Вам нужно доделать».

Но Борис внезапно сжал ее пальцы со странным слабым стоном: «Прошлая ночь они оставили нас с ней в больницу. Лицо дочки стало синим...»

Она вырвала руку: «Борис, что вы собираетесь делать?» – закричала она ему, ощутив наконец свою силу, выйдя из себя при виде его красивого загорелого лица, белых зубов со сколом, густых идиотских кудрей, чужеземных проблем, болота его нужды, засасывающего ее чай, кофе и доброту, принципов, мешающих ему предаться любви с ней, его бледной бесхребетной дочери

и посеревшей безнадежной жены, и, наконец, того, что из-за него теперь злятся Эдвард.

Он был потрясен: «Не кричать, Эмма. Я чувствительный, как вы. Я художник. Не кричать». – Казалось, он вот-вот расплачется.

«Хорошо, Борис. Но вы должны закончить работу».

Он позвонил в дверь в семь тридцать следующим утром, на полчаса раньше, чем обычно. Эмма выглядела сонной и рассеянной в поспешно накинутом зеленом шелковом кимоно. Глаза Бориса машинально скользнули по ее фигуре, однако рот его был крепко сжат, а глаза красные.

«Дочь очень болеть вчера вечером, – сказал он. – Фургон опять не едет. А машина нет, потому что жене надо, чтобы ехать в больницу. Эмма, вы меня отвезете».

«Отвезу куда?»

«Отвезете меня найти людей».

«Почему вы до сих пор их не нашли?» – завопила она.

Бориса пугала эта новая дикая женщина, так отличавшаяся от нежной кокетки, которую он знал. «Прошу, Эмма. Я знаю, где искать людей. Но скорей, отвезите меня сейчас, прошу вас».

«Я не одета», – сказала она. Не то чтобы она вообще полностью одевалась последнее время, ибо зачем выходить? Ведь Борис всегда приходил.

«Эмма, надевайте одежда немедленно», – напирал он. Ей понравилась властность в его голосе, и она ушла вверх без возражений. Она надела первое, что нашлось в шкафу, – элегантный костюм а-ля Шанель, с золотыми пуговицами и розовыми галунами.

Он смотрел на нее со странным выражением, пока она спускалась, но слегка поклонился, и она почувствовала радостное возбуждение: это был выход в свет. Она не слушала, что он говорил.

«Сбавьте скорость, – сказал он в районе северных окраин, – Здесь мы найти людей, Эмма». У него зазвонил мобильный, он выругался и рывком достал его. Пока движение остановилось в пробке, он напряженно слушал, затем крикнул в трубку и в конце концов отключил ее, разразившись яростными согласными. Эмма с удивлением заметила слезы в его глазах.

«С вами все хорошо?» – спросила она, не зная, с чего начать.

«Да, Эмма. Сейчас я делать работу».

«Но вы плачете, Борис».

«Только пыль».

«А, ну хорошо».

Ее внимание переключилось на другое. Она ехала по длинной пустынной дороге, прямой, окаймленной викторианскими крыльчками. Но было нечто странное перед каждым крыльцом, нечто, что она сначала приняла за деревья, серые бесформенные деревья с бессмысленно торчащими ветвями.

Пара сотен метров деревьев, что показалось ей странным в городе. Но тут она поняла, что это были не деревья. Это был частокол из людей, стоящих скученно, молчаливо уставившись на дорогу, людей в грубой одежде, с изможденными смуглыми лицами, людей вороватых, людей голодных, без кровинки в лице. Их были десятки. Полсотни. Сотни? Ни единой женщины среди этих вытянутых лиц. Полинявшие майки, плохо сидящие брюки. У некоторых волосы побелели от пыли. Большинство безучастно курили. Измятые объятия на груди смотрелись жалко.

«В чем дело, Борис? Что происходит?»

«Здесь мы найдем людей. Остановить машину. Я сделаю».

«Мне не надо этих людей!» – вскрикнула она. Они выглядели нездоровыми и странными, совсем не экзотичными, как Борис. Почуввав интерес, некоторые из них повернулись к машине. Они что-то выкрикивали, но она не могла их понять. Затем она услышала на ломаном английском: «Всего пятьдесят! Всего сорок!» Она почувствовала себя голой и глупой в своих шанелях с розовой тесьмой и ужасными сверкающими золотыми пуговицами.

«Не кричать, Эмма», – он выглядел очень усталым. – В порядке. Оставьте мне».

«Они не войдут в мой дом. Мне нужны нормальные рабочие».

«Это быть рабочие, Эмма». Его телефон снова зазвонил. Выругавшись, он зашвырнул

его на заднее сидение, выбрался из машины и оставил ее в одиночестве.

На тротуаре Борис заговорил с людьми. Она сидела внутри, трясаясь и сжимая руль. Что, если они внезапно ворвутся в кабину, выхватят у нее сумочку, изнасилуют, убьют? Телефон снова зазвонил, настойчиво до боли. После тринадцати гудков она подняла трубку. Женский голос громко кричал на неизвестном языке. «Я не понимаю», – прошептала Эмма. Крики женщины становились все отчаяннее. «Я не понимаю. Говорите по-английски, пожалуйста», – сказала Эмма. – Вы в Англии. Прошу, говорите, по-английски».

На какое-то время ей полегчало, когда она это сказала, в этом незнакомом месте, где не действовали никакие правила. Она отстаивала то, во что, как она думала, верила, но тут телефон замолчал, замер. Она положила его на сиденье и почувствовала себя хуже некуда. Должно быть, это его жена. Она не говорила по-английски.

Борис вернулся с тремя угрюмыми верзилками. Без единого слова они забрались на заднее сидение. Повяло металлом и вьевшимся табачным дымом. После них ее машина пропахнет мужчиной. Эдвард в этом смысле мужчиной не был.

«Кажется, вам звонила жена», – сказала она Борису.

Он пожал плечами. Он избегал смотреть на нее. «Едем домой, Эмма, прошу. Мы закончить красить».

Туман рассеялся к тому времени, как они вернулись, и солнце пронзало облака неистовым жаром. Та длинная темная улица с толпами сомнительных незнакомцев поселила в ней ужас. Борис явился к ней с ложными посулами. Он позволил ей представлять себя в обрамлении голубых гор, душистых лугов с дюжими стадами, но теперь она увидела, откуда он пришел – из места, где никто не знал ничего, кроме горечи и несчастья.

Они проработали весь день, трое незнакомцев и Борис. Эмма слышала, как он на них покрикивал. Дважды она выходила, боязливо, посмотреть, что делается, и предложить чаю, однако Борис всякий раз отказывался, отмахиваясь одной рукой и продолжая красить другой. Она чувствовала себя выбитой из колеи, когда, сидя в своем кабинете, склонялась над сочинением любовного сюжета, в безопасности своей комнаты, в приятной прохладе дома. И все же неловкость не покидала ее при мысли о присутствии четырех мужских тел там, снаружи. Они работали, передвигаясь ползком, одержимо, сосредоточенно, будто прикованные к раскаленной крыше ее дома. Потные, дышащие тяжело.

Рабочие пробыли до семи, а затем шеренгой вошли в дом, красные от солнца, с забрызганными побелкой волосами, серым налетом на губах, пряча от нее глаза. Вид у них был нечеловеческий. Она вышла проверить. Работа была окончена. Борис пого-

ворил с остальными, они смотрели только на него, будто Эммы не было там вовсе.

Она нуждалась в улыбке Бориса: «Не хотите чего-нибудь выпить, Борис? – робко спросила она. – Вас, должно быть, мучает жажда после всего этого. А я пока принесу конверт с деньгами».

«Нет, спасибо, Эмма. Я уходить сейчас, прошу».

К приезду Эдварда они только ушли. После адской жары в поезде ему не терпелось повздорить. «Он сегодня, черт его подери, вообще приходил?» – крикнул он из прихожей.

«Выйди и взгляни», – послышался голос из кабинета.

Через пять минут Эдвард уже возник на пороге ее кабинета с улыбкой на лице. «Наконец-то, – сказал он. – Выглядит неплохо. И он таки убрал все свои банки. Прямо все, черт подери. Почему плачешь?»

В ноябре с крыши местами снесло черепицу, и Эдвард велел ей позвонить Борису. Ей не хватало его, жгуче, день за днем. Но номер оказался недоступен. Она упорно звонила, ругаясь и плача.

На следующий день, как только Эдвард ушел, она оделась и отправилась на окраину, думая о милых темных глазах и слегка шероховатом подбородке Бориса. Он открывал перед ней двери. Она, несомненно, ему нравилась. Он подарил ей розу. Он... восхищался ею.

Лес людей был по-прежнему на месте. Она то и дело приостанавливалась, боязливо двигаясь дальше, пока, наконец, не подъехала к молодому художавому мужчине. У него было узкое умное лицо и черные глаза, как у Бориса. Возможно, он был из той же страны. Ей подумалось, что губы его весьма привлекательны.

В полдень она позвала его в дом пить кофе. «Эй, жаждущий на крыше», – сказала она добродушно, старательно жестикулируя, чтобы улучшить взаимопонимание.

«Я вас понимаю, – ответил он. – Все в порядке. Почти все понимаю. В моей стране я хорошо выучил английский. Я студент. Я *был* студентом...» (Да, подумала она, все они студенты. Водители такси все как один уверяли, что они студенты.) ...«история шестнадцатого и семнадцатого века... Я здесь из-за войны». Он принялся рассказывать о вторжениях, передислокациях. О боже, подумала она, он может оказаться занудой.

«Откуда вы?», – встряла она. Он ответил.

«Мой последний работник был оттуда», – сказала она. Она ощутила волну сладостной надежды. Она назвала ему имя. «Может быть, вы его знаете. Очень трудолюбивые ваши соотечественники».

Он переменялся в лице. На нем отразился интерес. «А ведь Борис большой человек», – сказал он.

«Превосходный работник», – согласилась она.

«Великий художник», – сказал он.

Она засмеялась. Как же это мило, что они все друг друга нахваливают. Все, без исключения, гении.

«Нет, правда, – сказал он. – Борис художник. Мы считаем, он гений».

«Да, Борису нравилось думать, что он художник. Вот почему мы так хорошо понимали друг друга. Я ведь тоже творческая личность».

«Для нас Борис большой художник. За границей вы его не знаете, а в моей стране... Но теперь он говорит, что никогда не возьмет в руки кисть».

Она не была уверена, что поняла. На секунду ей почудилось, что он имел в виду собственно искусство. «И правда, после того лета он больше у меня не работал, – сказала она, – потому-то нам и нужен новый человек».

Она ушла в кухню за печеньем. А он все говорил, оставшись один в роскошной комнате. «Борис сказал, что не притронется к краскам. Это такая потеря для моей страны. Он сказал, что жизнь кончена с тех пор как умерла его дочь. Его красавица дочь умерла в августе».

Упаковка никак не открывалась. Она шумно дергала ее, кроша печенье в вазочку из тонкого фарфора, но ей удалось уловить слово «дочь», и она вспомни-

ла жену Бориса, ее убогость, то, как она ела яблоки, ее невзрачность и отчужденность. Жена и дочь все испортили. «Вы женаты?» – крикнула она из кухни.

Он покачал головой. «Жизнь слишком тяжела для женитьбы, – сказал он. – Жизнь прекрасна, но коротка».

«Я смотрю, вы тонко чувствующая натура, – сказала она, – как и я. Я ведь художник. Я пишу. Найдется и для вас работа», – прибавила она с улыбкой.

MAGGIE GEE'S "THE ARTIST" IN RUSSIAN

Kamilya F. Ayupova, Postgraduate Student, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Kazan, Russia, e-mail: lacroquant@yandex.ru.

Abstract. The proposed material presents a translation of the story "The Artist" from the collection of short stories "The Blue" (2006) by modern British writer Maggie Gee. The author's novels have been awarded literary prizes and translated into fourteen languages, but are not yet familiar to the Russian-speaking reader. The translation of the story was made by the winner of the international Art & Craft of Translation competition, which was held in 2018 with the support of the Oxford Russian Fund. The text of the translation is accompanied by a brief commentary that provides explanations of historical, cultural, and literary-critical nature.

Key words: Maggie Gee, "The Artist", Art & Craft of Translation competition, short story, poetics of the title, the Other.

